

частью своих действий "милостью Божией" либо "попущением Божиим"?

● М.Е.Салтыков-Щедрин пишет "помпадуров" на Руси прямо отсылкой к области действия попушения Божиего, фактически прямо указывая на то, что императорская власть на Руси объективно сакральность утратила, но "мужик" об этом пока ещё не догадался, но как только "мужик" об этом догадается, - всё: конец этой власти.

Соответственно:

Самая большая ложь, которую власть может выдать в общество, это - официальные заявления о том, что она действует милостью Божией, в то время как реально её действия - наиболее значимые в аспекте формирования будущего - лежат в области попушения Божиего.

Вопрос только в том, находится ли власть в самообольщении, либо она лжёт, осознавая этот факт. Вне зависимости от последнего обстоятельства именно эта ложь характеризует три последних царствования. Кроме того, вне зависимости от того, пребывает власть в самообольщении либо лжёт осознанно, - последствия для общества в принципе одни и те же в силу того, что информация и алгоритмика в процессе такого управления объективно неадекватная решению задач в русле Промысла. Из этого обстоятельства и проистекает русская поговорка "народ сорешит - царь отмолит, царь сорешит - никто не отмолит" (В.И. Даль приводит её в своём Словаре).

В библейской культуре сакральность власти, как считается, обеспечивалась автоматически таинством помазания на царство, осуществляемым институтом церкви, либо верностью "демократически избранного" главы государства клятве при вступлении в должность на Библии либо на конституции страны. В небиблейских государствах для сакрализации власти используются аналогичные по сути ритуалы с той лишь разницей, что клятвы приносятся не на Библию.

Однако, как было отмечено выше, качество жизни общества обусловлено двумя факторами: концепцией управления и качеством государственного управления в соответствии с действующей концепцией. Это обстоятельство неизбежно приводит к выводу:

● если концепция объективно сакральна, то власть, обеспечивая достаточное для воплощения концепции в жизнь качество государственного управления, как следствие - автоматически - обретает сакральность;

● если же концепция сама по себе - отсепятивна, выражающая мировое своеволие тех или иных политических сил, то такая концепция в принципе не может быть сакральной, со всеми вытекающими из этого факта последствиями для власти и для верноподданной ей части общества.

В последнем случае, если оппозиция власти будет следовать сакральной по её сути концепции, то сакральность обретёт именно оппозиция, и если она после обретения государственной власти сохранит верность сакральной концепции, то и новая государственная власть будет сакральной.

Если говорить о цивилизации Руси - России, то раздраз между заведомо не сакральной концепцией, которой реально подчинена власть в различном её оформлении на протяжении истории, и народным требованием к власти - быть сакральной, проистекающим из совести множества людей, - норма жизни на протяжении большей части последнего тысячелетия. Исторически непродолжительные периоды, когда власть была действительно сакральной, - только тому подтверждение.

Дело в том, что социологические воззрения Христа в предельно краткой форме выражены в его словах: "Закон и пророки до Иоанна. С сего времени Царствие Божие благовестуется и всякий усилием входит в него" (Лука, 16:16).

Но именно это учение о становлении Царства Божиего на Земле усилиями самих людей в Божьем водительстве, в официальном церковном учении, унаследованном Русью от Византии в готовом к употреблению виде, объявлено ересью.

В ранг же сакральной официальной церковью на протяжении всего этого времени возводится идеология, в основе которой воззрения апостола Павла: "Рабы, повиньтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекуугодики, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человеку, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный" (К Ефесянам послание апостола Павла, 6:5-8).

Но народ от власти, - будь она в лице великого князя, царя, генерального секретаря ЦК КПСС и Политбюро, избранного президента постсоветской РФ и патриарха Московского и всея Руси, - ждал и ждёт правления в русле истинного Христианства: "Царствие Божие благовестуется и всякий усилием входит в него".

В силу изложенного монархия как, впрочем и другие формы правления, сами по себе сакральностью не обладали и обладать не могут. Видимость сакральности (священности) власти, а равно - монарху придавал культ идеи: монарх - наместник Божий на Земле, и служение ему - эквивалентно служению Богу. В России это идеологическое обоснование монархического правления, как было отмечено в разделе 1, восходит к Иосифу Волоцкому.

Но как было показано выше, реальная сакральность власти и политическое шоу её сакрализации - разные явления. В частности вследствие этого, монархический абсолютизм, не обладая реальной сакральностью (он обладал только видимостью сакральности, производной от церковного культа идеи "монарх - наместник и помазанник Божий"), ушёл в прошлое. Он ликвидировался двумя путями:

● тем, что это понял, но пожелал сохранить монархию хоть в каком-то виде, - "мировой закулисой" было позволено перейти к конституционной монархии,

● те абсолютистские монархии, которые этого не поняли или не пожелали подчиниться "вечным времени", индуцируемым "мировой закулисой", были ликвидированы в ходе оплаченных транснациональным банковским институтом "демократических революций", в результате которых возникли разнородные республики либо диктатуры.

Единственной защитой от такого рода происков и успехов политики "мировой закулисы" может быть только действительная сакральность власти, возникающая как результат проведения его политики (глобальной, внешней и внутренней) в русле Промысла Божиего.

Но и в республиках, и в диктатурах проблема сакральности государственной власти была и остаётся актуальной, поскольку легальность и легитимность государственной власти, даже если они достигнуты, не гарантируют обретения власти сакральности под воздействием шоу её сакрализации: объективные закономерности, шесть категорий которых упомянуты выше, действуют вне зависимости от шоу - "расфуфыренности" паровозов и прочие выражения "верноподданности" не воспрепятствовали катастрофе в Борках и последующему краху империи; а ещё тщательной продуманная ритуальщина, хотя и пленяла толпарей третьего рейха, придавая власти фюрера видимость сакральности, не защитила рейх от разгрома и т.п.

Утрату власть сакральности первыми чуют наиболее прикомпрометенные ею "верноподданные" паразиты на теле народном, и именно они становятся первыми изменниками и предателями, ниспровергателями власти, утратившей сакральность. Поэтому великий князь Александр Михайлович совершенно прав в своих оценках движущих сил революции, обрушивших империю:

"Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы "красная опасность" исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатами, как Брешко-Брешковская или же Фигнер или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразительной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых..."

Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи.

Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездил из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров?

Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте?

Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клевыхшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими веревных им Царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу армий, более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?

Описание противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могло бы составить томик, который следовало бы посвятить русским эмигрантам, оплакивающим на улицах европейских городов "доброе старое время". Но рекорд глупой тенденциозности побил, конечно, наша дореволюционная печать.

Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или же писателе, артисте или же музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не идти далеко за примерами, достаточно сослаться на философа В.В. Розанова, публициста М.О. Меньшикова и романиста Н.С. Лескова.

Все трое по различным причинам отказались следовать указке радикалов. Розанов - потому что выше всего ставил независимость творческой мысли; Лесков потому что утверждал, что литература не имеет ничего общего с политикой; Меньшиков - потому что сомневался в возможности существования Российской Империи без Царя. Все трое подверглись беспощадному гонению со стороны наиболее влиятельных газет и издательств. Рукописи Лескова возвраща-

лись ему непрочитанными, над его именем смеялись самые ничтожные из газетных репортеров, а несколько его замечательных романов, изданных на его же собственный счет, подверглись бойкоту со стороны преудержанной части нашего общества. Немцы и датчане, под предводительством Георга Брандеса, были первые, которые открыли Лескова и провозгласили его выше Достоевского".

Александр Михайлович в этом перечне паразитов, почувствовавших утрату императорской властью сакральности, не упомянул деятелей церкви, которые сразу же после отречения Николая II поддержали и благословили Временное правительство; не упомянул и своего родственника - бывшего великого князя Кирилла Владимировича, также присягнувшего Временному правительству вместе с возглавляемым им гвардейским флотским экипажем. Кроме того, Александр Михайлович, в своих воспоминаниях, хотя и затрагивает некоторые пагубные для страны решения императорской власти в три последних царствования, однако он не связывал их с процессом десакрализации власти. И всё это говорит о том, что даже один из наиболее умных, дальновидных и честных представителей клана Романовых не понимал сути сакральности власти и причин её утраты монархией в России. На наш взгляд это во многом является следствием запуганности его в детстве попом - отцом Титовым, о чём он сам пишет в цитированном ранее фрагменте воспоминаний.

Тем не менее, вопреки всему этому, монархическая идея снова овладевает "умами" (кавычки здесь просто безальтернативны) представителей некоторых "элитарных" кланов России, поскольку постсоветский буржуазно-либеральный режим не обладает ни легальностью происхождения, ни легитимностью, ни сакральностью. Политический проект возобновления монархического правления путём помазания на царство того или иного претендента не погашен, и есть те, кому это видится единственной и безальтернативной возможностью сакрализации государственной власти в России.

В деле реставрации монархии им помогают представители ростовщического клана Ротшильдов, естественно, пекущегося не об интересах России, а о своих собственных интересах и интересах своих хозяев. Но никого из правителей не интересует - примет ли монархическую форму правления общество в целом, а не только "элитарные" кланы, которые почему-то уверены, что проблема сакральности власти в России будет решена возобновлением монархического правления "царя Георгия" - потомка не только бывшего великого князя Кирилла Владимировича, но и Гогенцоллернов (правящей династии Германии) и грузинской династии Багратионов, происходящие которой возводят к библейскому царю Давиду. Никого из них не интересует, что это всё соотносится с объективными закономерностями бытия человеческого общества.

Сакральности у такой власти не будет, хотя её легитимность Ротшильдами и КО будет признана, но и исторический преемственный легальности такой власти тоже не будет. Кроме того в начале XX века православие само утратило даже видимость сакральности, поскольку многие в России поняли: Русская православная церковь - церковь кесаря, но не Бога. В этом её прямо обвинил Л.Н. Толстой в статье "Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении". И как заметил В.О. Ключевский, "на [а]паде] церковь без Бога, в России Бог без церкви". Такой статус церкви стал результатом её фактического атеизма, вследствие возведения хилиазма-милленаризма в ранг ереси, и в народах многонациональной Русской цивилизации многие почувствовали это к концу XIX - началу XX века. Именно следствием этих двух обстоятельств (утрата РПЦ сакральности и ощущение этого факта в народе) стали одним из объективных причин революции и гражданской войны.

Именно поэтому речь должна идти о деятельности носителей высшей государственной власти в согласии с иерархически наивысшим всеобъемлющим управлением, которое в религиозной лексике имеет имя - Бог, а в атеистической - законы Природы, включая и ноосферные законы - по их сути нравственно-этические. И эта связь тем более эффективна и действенна, чем более нравственно праведны носители высшей государственной власти. Через это реализуется принцип "не в силе Бог, а в Правде", альтернативный принципу "сила наша будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным". И Русская многонациональная цивилизация - вследствие притязаний на самоназвание "Русь святая" - может развиваться только, если власти в ней - сакральна по сути, а не когда в результате шоу "принудительной сакрализации" узурпатором власти или их марионеткам удаётся на некоторое время убедить толпу в священности власти и в священности особ её носителей.

Либерал-демократы, не понимая существа сакральности власти как явления объективного, объясняют себе и народу этот феномен Русской цивилизации достаточно примитивно: "Царь хорош - бояре плохие". Но и цари, как показывает исторический анализ, не всегда в России были хороши, как бы задним числом их ни причисляли к лику святых праведников и невинных страстотерпцев Христа ради вопреки тому, что они рулили Россией большей частью в пределах попушения Божиего, а не в русле концепции построения Царствия Божиего на Земле усилиями самих людей в Божьем водительстве.

По отношению к современности и перспективам либералы априори предлагают считать, что сам институт высшей государственной власти в условиях господства либеральных ("демократических") идей всегда обладает этой сакральностью. Но история показывает, что это не так, под-

(Окончание на стр. 8)